

Первый процесс — в крестьянстве.

Крестьянство не участвовало активно в революции 1905 года. Но в то время, когда в городах шла борьба за волю, крестьянство смутно шевелилось, тянулось к земле, — и это родило иллюзию, что начавшаяся революция должна стать всеародной и увенчаться победой.

Движение крестьян к земле чувствовалось еще в 1906 году. Но вскоре оно затихло, — как замирают мало по малу взмахи маятника, как замирает после удара струна, как утихают волны после бури. В то время никто не мог сказать наверное, что кроется под наступившим в деревне успокоением: удовлетворилось ли крестьянство подачами столыпинских законов, или, встретив отпор со стороны помещичьего класса, оно затаило в душе обиду, и боль, и жажду мести? Ответ на этот вопрос принесли лишь 1917 — 1918 г. г.

Второй знаменательный процесс совершался в это время в либеральных кругах городской и поместной буржуазии. Это был уход либерализма от борьбы с самодержавием.

Требование Учредительного Собрания в начале октябрьской забастовки¹⁾, колебания между монархией и республикой в ноябре, принятие монархии в декабре, активная защита монархического принципа в первой Государственной Думе. И в рамках монархизма еще другой путь отступления: в первой Думе — требование ответственного министерства; после разгона Думы, в Выборге, — мимолетная готовность бороться за это требование; затем, отказ от борьбы, а во второй Думе — прямое противодействие этому требованию во имя лозунга «берегите народное представительство».

Каковы бы ни были причины, объяснения, оправдания этого процесса, — направление его бесспорно.

И на фоне его протекал тот третий процесс, который мне пришлось наблюдать всего ближе, и о котором чаще всего мне приходилось говорить на предыдущих страницах,

¹⁾ На учредительном съезде конституционно-демократической партии.

— я имею в виду все большее изолирование рабочего движения и рабочего класса.

В ноябре 1905 года впервые дохнуло на рабочих холодом одиночества. Но это не было еще полное одиночество. Была еще надежда на «братьев-крестьян». Да и другие классы еще не отвернулись окончательно от пролетариата, еще не протянули руки его политическим врагам. А в июле 1906 года рабочие оказались одни, совершенно одни, на фронте, который должен был быть фронтом общенациональным. Это положение сохранилось в период междудумья, и во второй Думе. Переворот 3-го июня и созданная им система курьезного представительства рабочих лишь закрепили эту изолированность пролетариата.

Та безнадежность, которая чувствовалась в настроениях рабочих кварталов, была отражением в сознании рабочих этого об'ективного факта.

И в свете его особое значение приобретает тот спор, который кипел и эти годы в нашей партии между большевиками и меньшевиками. Для массы, воспринимающей все вопросы в упрощенном виде, спор этот сводился к разгласию: с кадетами, или без кадетов?

Были ненужные, бессмысленные эксцессы в этом споре. Была демагогия, были нехорошие приемы борьбы, — и я достаточно говорил о них на предыдущих страницах. Но нужна была безграничная тупость обывателя, чтобы не усмотреть за этим спором ничего, кроме сектантской борьбы сторонников двухперстного и трехперстного крестного знамения. Здесь боролись две политических тактики, две концепции, в которых, быть может, воплотилась вся научно-революционная мысль России. Здесь сталкивались два способа решения того вопроса, к которому вплотную подошло историческое развитие России на грани 19 и 20 столетия.

Спор шел о силах, которые должны ликвидировать дворянски-сословный строй, воплощенный в царском самодержавии.